

ПАМЯТИ ВЕРОНИКИ ЧЕРКАСОВОЙ (1959–2014)

В 2014 г. исполняется десять лет со дня трагической смерти независимой белорусской журналистки Вероники Черкасовой. Она была зверски убита в своей квартире 20 октября 2004 г. На теле Вероники Черкасовой было обнаружено более 20 ножевых ранений», ее убийство до сих пор не раскрыто.

Вероника Черкасова в 1980-х гг. на белорусском телевидении, а в начале 1990-х гг. она стала независимой журналисткой. Ее работы публиковались в «Белгазета» (ранее «Беларусская газета»), «Беларусская деловая газета» (БДГ), «Голас Раздзімы», «Наша свобода», «Новое время», «Радзіма», «Салідарнасць» и других независимых белорусских изданиях. Вероника Черкасова писала в основном о социальных проблемах, но рассматривала их во взаимосвязи с текущими политическими процессами.

Работы Вероники Черкасовой, написанные между 1991 и 2004 гг., были посмертно изданы в сборнике статей «Красным по белому»¹. Эта книга является важным культурным свидетельством белорусской повседневности второй половины XX в. Вероника Черкасова рассматривала социальные проблемы, касающиеся системы образования и экологической ситуации в Беларуси, искусства, культуры, национализма, гендерных отношений и политики². Сборник «Красным по белому» так же включает «исторические» очерки о жизни и повседневности Беларуси 60–90-х гг. прошлого века, материал для которых Вероника Черкасова кропотливо собирала в архивах, подшивках газет и журналов того времени³. Один из таких очерков мы приводим ниже, чтобы почтить память Вероники Черкасовой.

Александр Першай

1 В. Черкасова. *Красным по белому: статьи, очерки, эссе*. Москва, 2005.

2 А. Pershai. “Krasnym po belomu: stat'i, ocherki, esse...” Veronika Cherkasova. *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35(1). P. 195-197.

3 О значимости работ Вероники Черкасовой для «малой» истории Беларуси см.: А. Першай. Перспективы истории: о повседневности, гендере и нации в постсоветской Беларуси. *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья*. 2013. №1-2. С. 40-56. www.case-border.com/2013/11/1-22013-2013-issn-1822-5136.html (посещение 10.08.14).

Вероника
Черкасова

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО ЭПОХИ.
БЕЛОРУССКАЯ МОДА 1970-х:
ПОПЫТКА ВЫДЕЛИТЬСЯ ИЗ
ТОЛПЫ ЗА СЧЕТ ЗДОРОВЬЯ И
СВОБОДЫ⁴

Мода — это не только тряпки, локоны и длина юбок. Это — зеркало. Посмотришь в него, и поймешь, какое на дворе время и кто у власти.

Попробуй одень нынешних школьников в одинаковую форму или заставь современного студента состричь длинные волосы. И вряд ли сегодняшние молодые люди поверят, что всего тридцать лет назад длина юбки или ширина брюк становились предметом непримиримого противоречия между личностью и обществом.

Обнаженные плечи «боевой подруги»

Сегодня кажется странным: как могли хорошо одеваться и выглядеть наши бабки и прабабки, если не было джинсов, лайкры, краски *L'Oréal* и косметики *Lancôme*? Между тем, выглядели, и очень даже неплохо.

Довоенные силуэты отличали фантазия и элегантность. В войну подавляющее большинство дам донашивали то, что было. После ее окончания во всем мире мода пережила бум. Не обошел он и СССР: вместо боевой подруги в моду вошла женщина, нарядная и дорогая. Тонкие, как иголкой прочерченные брови, губки бантиком, длинные алые ногти, высокий каблук, тонкая талия и обнаженные плечи напрочь стирали из памяти воспоминания о гимнастерках и сапогах.

⁴ Печатается с разрешения редактора-составителя по изданию: В. Черкасова. *Красным по белому: Статьи, очерки, эссе*. Сост. О. Бабак, Н. Кулинка, А.Старикевич, И. Урбанович-Саука. Москва: Престиж-Бук, 2005. С. 97-104.

© Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 4. Приватное: (не)видимое публичное. 2014. Сс. 19-29.

Следующий всплеск моды пришелся на шестидесятые. На сей раз революцию совершили хиппи и *Beatles*. Длинные волосы, широченные клеши, ушитая в талию цветная рубашка с большим воротником, обувь на высокой платформе, тяжелый каблук... Образ эпохи воплотился в Трубадуре из мультфильма «Бременские музыканты».

В 1960-х женщины надевают брюки. Эдита Пьеха стала первой советской певицей, вышедшей на сцену в брючном костюме. Что, впрочем, не помешало метрдротелю минского ресторана «Седьмое небо» не пустить ее в таком виде в зал.

В это же время появилось новое поколение тканей – синтетика. Ее полюбили все и сразу. Она была необыкновенно практична: хорошо стиралась, не мялась, не теряла цвета. О недостатках этого материала говорить и задумываться тогда было почти неприлично. Появилась болонья. Плащи из нее стали пределом мечтаний и признаком респектабельности.

В те годы очень много шили. Лучшее швейное ателье было расположено по ул. Ленина, где впоследствии размещался магазин спорттоваров, а теперь находится банк. Кроме того, в те годы было множество мастеров, которые шили на дому. Особой популярностью пользовались брюки. Умельцы распарывали старые джинсы и делали по ним лекала, шили широченные клеши, настолько плотные на бедрах, что в карман нельзя было положить четыре копейки — стоимость билета на проезд в троллейбусе. Кстати, джинсы надевали выдохнув, намазав ткань мылом и только лежа.

Законодателем мод в республике был Белорусский центр моды, который тогда назывался Домом моделей. Там работали супруги Булгаковы, созданные ими коллекции пользовались успехом во многих странах мира. Вещи были сделаны в фольк-стиле, щедро украшены вышивкой, кружевами и другими видами ручной работы. На ВДНХ в Москве и Минске демонстрировались замечательные платья и костюмы из белорусского трикотажа. У них был лишь один недостаток: купить все это было практически невозможно, поскольку вещи изготавливались в единичных экземплярах.

Несмотря на недостаток информации, белорусские женщины хотели быть модными и действовали порой в полном соответствии с народной мудростью «голь на выдумку хитра».

После того, как в начале 1970-х в моду вошла рогожка, в минских хозмагах за неделю размели обыкновенные серые джутовые мешки. Их кипятили до белизны и шили из них платья. Шили платья и костюмы из ярких павловопосадских платков. О самом экзотическом способе добычи швейного материала рассказал известный модельер Саша Варламов: в бочке с водой или в ванне замачивалась крупнозернистая наждачка. Когда зерно начинало отставать, его снимали, отстирывали клей, и в результате получали плотную парусину, мало чем отличающуюся от настоящей джинсовой ткани. Из нее шили брюки, куртки, плащи. Диор с Сен-Лораном мирно отдыхали...

Чулочно-носочными изделиями наших женщин обеспечивал Брестский комбинат. Сегодня то, что тогда на безальтернативной основе предлагали минские магазины, дама наденет только по приговору суда. Комбинат существовал вне моды и времени, отечественные колготки и чулки были толстыми и категорически неэлегантными, а потому приходилось предпринимать нечеловеческие усилия, самостоятельно доводя их до приличного состояния. Сначала колготки в соответствии с модой вываривали до белизны, потом, когда мода поменялась, их красили дома в жгуче-черный цвет. Тонкие дедероновые чулки были немецкого производства и стоили 2 руб. 20 коп. (Восточных немцев, которые тогда на «поездах дружбы» приезжали в Беларусь по аналогии с названием страны на языке оригинала (*DDR*) и материала, из которого изготавливали популярные чулки, на жаргоне называли «дедеронами»).

Между прочим, в рестораны в ту пору даже в самый жаркий вечер без чулок не пускали. Выход из этой щекотливой ситуации нашла еще Александра Коллонтай, которая, будучи послом СССР в Швеции, в безденежное военное время карандашом для век рисовала на ногах швы. Вряд ли об этом знали наши дамы, но ее примеру не следовали лишь ленивые. Мужчину в ресторан не пускали без галстука, и у швейцаров и метрдотелей всегда была в запасе пара галстуков, которые они за мзду сдавали посетителям напрокат.

В 1970-х в Минске появились французские духи. На полках ГУМа, ЦУМа, «Синтетики» (нынче — торговый дом «Первомайский») и других магазинов стояли Sikkim за 30 руб., любимые духи советских женщин *Climat* за 25, а также *Dior*, *Diorrella*, *Diorissimo* и *Magie Noire* за 45. Французские духи были синонимом роскоши и другой, красивой жизни. Покупали их в основном в подарок. В культовом фильме 1970-х «Ирония судьбы, или С легким паром» влюбленный Ипполит принес в подарок любимой женщине синюю коробочку *Climat*.

Отечественные духи в ту пору были тоже весьма недурны. До сих пор на Западе пользуется успехом старая классика вроде «Красной Москвы» — переименованных в советское время духов, созданных знаменитым парфюмером Коти для императрицы Александры. А духи «Ноктюрн» в свое время получили высшую оценку французских парфюмеров. Символом 1970-х стал скромный флакончик недорогих польских духов с загадочным названием «Быть может». Мужская часть населения страны пахла «Тройным», «Шипром», «Русским лесом», одеколоном «Саша» или лосьоном после бритья «Свежесть». Словосочетание «мужская косметика» подразумевало нечто неприличное.

Сегодня многие женщины, покупая *Fiji*, *Climat*, *Dior*, которые так любили в молодости, говорят, что теперь у них совсем не тот запах. И они совершенно правы. Сейчас на рынок поставляются истинно французские духи. А раньше товар шел из Сирии, где французы построили завод, на котором по лицензии изготавливались духи специально для Советского Союза. Иной была даже форма флаконов. Между тем духи были очень хороши. Дело в том, что Сирия производила их еще и для своего собственного рынка. А на Востоке спиртовые композиции не применяют, поскольку они на жаре мгновенно выдыхаются. Вместо спирта в качестве растворителя была использована масляная база, что придавало духам удивительную стойкость, а кроме того, делало запах мягче и богаче.

Не верьте тому, кто скажет вам, что раньше (независимо от того, когда это «раньше» было) дамы косметикой не пользовались и выходили на улицу, лишь чисто умывшись. Косметика была в моде всегда. Но если сегодня тушь и помаду предлагает любой ларек, то лет тридцать назад они были большим дефицитом. Между тем в 1960-е в моду вошли стрелки. Рисовали их карандашами «Стеклограф» и «Живопись», которые, несмотря на свои названия, были прекрасными косметическими средствами и совершенно не вызывали аллергии. На то, чтобы нарисовать качественную стрелку, уходило иногда минут сорок, и вечером рука не поднималась смыть великолепие, которое утром предстояло вычерчивать заново.

Отечественную косметику в ту пору производила фабрика Всесоюзного театрального общества, которая обеспечивала театры гримом.

Тушь тогда в Минске была не французской или отечественной, а «Ленинградской», привезенной из Риги, сваренной косметологами и изготовленной цыганами. И, что самое интересное, это была неплохая тушь. Она не вызывала аллергии и подолгу не портилась. У каждого самодеятельного мастера был свой рецепт, являвшийся коммерческой тайной. Фасовали кто во что горазд. Предприимчивые цыгане разливали горячую тушь в обыкновенные шашки.

Цвета и оттенки лакам для ногтей придавали при помощи креп-лаков, которыми пользовались профессиональные живописцы. Шли в ход и иные «красители»: например, синяя паста из стержней шариковых ручек придавала розовому лаку модный в ту пору свинцовый оттенок а la «тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца».

В 1970-е гг. в СССР производились великолепные кремы для лица, которые в огромных количествах вывозили за рубеж разборчивые иностранцы. Нам же, наоборот, хотелось импортных, поскольку свои были расфасованы в некрасивые железные тубы, благоухали приторными отдушками, имели плохую упаковку. Кто тогда думал о том, что в их составы входило масло какао, спермацет, растительные и косточковые масла, ланолин, воск и прочие натуральные ингредиенты, которыми сегодня пользуются лучшие западные производите-

ли? Первое знакомство с импортной косметикой оказалось поучительным: появившийся в Минске в 1976 г. импортный крем *Pond's* был расфасован в красивые баночки, упакован в изящные коробочки и вызвал у подавляющего большинства женщин чудовищную аллергию.

Впрочем, и тогда далеко не все было безоблачно. Особенным спросом в те годы пользовались кремы со стойким отбеливающим эффектом. Достигался он за счет ртути, которая входила в состав очень популярных «Метаморфозы», «Отбеливающего», «Росинки» и некоторых других. Ртуть очень плохо выводится из организма, и до сих пор на коже женщин, которые пользовались ими 30–40 лет назад, видны черные точки.

■ | «Айки для форентов»

Если в те годы по улице шел хорошо одетый человек, то, скорее всего, он был иностранцем. «Форенты» (от англ. *foreign* — иностранный) для определенной категории граждан были постоянным источником пополнения гардероба. При окладе в 70 рублей в месяц трудно было купить джинсы, стоимость которых доходила до 100–120 «рэ». Кто-то копил на них по полгода, а кто-то фарцевал. Этимологию слова выяснить не удалось, а потому просто поясним: фарцовщиками называли людей, которые для себя или на продажу покупали или выменивали у иностранцев джинсы и прочие дефицитные в ту пору предметы одежды. Фарцовка была рискованным предприятием, поскольку, во-первых, существовала статья за спекуляцию, под которую она подходила, а во-вторых, в ту пору не приветствовались любые контакты с иностранцами. Найти их можно было в «Юбилейной» или в мотеле. Чтобы познакомиться с иностранцем, совсем не обязательно было знать английский язык. Слова «джинсы» и «ченч» были столь же универсальны, как «мир», «дружба», «спутник». Как ни странно, иностранцы довольно часто «клевали» на наши значки и прочую столь же незначительную мелочевку. На «ура» шли дефицитные расписные матрешки. Поляков и «дедеронов» интересовали деньги, англичан, австралийцев, французов можно было соблазнить октябрятскими звездочками и значками с советской символикой. Проще всего было с поляками, которые

целенаправленно ездили сюда торговать. За небольшое золотое колечко у них можно было выменять джинсы, джинсовый сарафан и джинсовую куртку. Бартер был основной формой расчетов. Венгров интересовали иконы, особенно ценились маленькие, которые можно было спрятать и провезти через границу, а также металлические складни. Икона на слэнге называлась «айк», «толкнуть форентам айки» означало «продать иностранцам иконы». За джинсы выменивали и вывозили из страны предметы культа, гобелены, остатки антиквариата. И цену этих вещей назначали не в рублях, а в штанах и куртках.

Тем, кто занимался фарцовкой профессионально, она приносила до сотни рублей в день, что в те годы равнялось месячной зарплате служащего.

Купленные у иностранцев вещи фарцовщики продавали через знакомых. Главной примерочной столицы был туалет в сквере возле нынешней президентской администрации.

Собственно, конечной целью в то время было не просто красиво одеться, а одеться так, чтобы отличаться от других, выделиться из толпы. Не просто модно, а эпатажно. Одежда превратилась в элемент идеологии, стала своеобразной заявкой на то, что ты не такой, как другие, наиболее доступной формой самовыражения и протеста. И ведь что интересно: одеваться тогда было особо некуда. Клубов не было вообще, ресторанов — гораздо меньше, чем сейчас, а в театр и оперу в джинсе не ходили. Вы будете смеяться, но лучше всех, с проявлением истинного вкуса в ту пору одевались зондерши — валютные проститутки интуристовского отеля.

А еще дефицитные вещи продавались в магазине «Березка», где торговали за доллары, и в «Ивушке», где шла торговля за чеки Внешпосылторга, которыми выплачивалась часть зарплаты советским гражданам, работавшим за границей. Первая «Березка» располагалась возле почтамта, там было все, но — за доллары, которых на руках у советских граждан не только не было, но и не должно было быть в принципе.

«Ивушка» располагалась на ул. Белинского, там, где сегодня находится Белорусская торгово-промышленная палата. Чеки можно было приобрести с рук, это была своеобразная локальная валюта, за которую в конкретном магазине можно было купить обувь, одежду, косметику, белье. Правда, там

внимательно следили за тем, кто приходит в магазин, и у особо примелькавшихся клиентов могли спросить, откуда они берут чеки. А потому народ, постоянно отоваривавшийся в «Ивушке», стал пользоваться услугами негров, учившихся в минских вузах. Негру объясняли, что нужно присмотреть, диктовали размеры и отправляли на разведку, а потом — за покупками. Ну кто же станет выяснять, откуда взялись чеки у гражданина дружественной нам Эфиопии? Компания ждала негра за углом, на месте мерила купленные вещи, и если размер не совпадал, негра отправляли обратно — менять.

Еще одним местом, где можно было пополнить гардероб, стала вильнюсская толкучка. Билет до Вильнюса стоил недорого, а купить там можно было все — от юбок, джинсов, овчинных полушубков и косметики до автомата Калашникова.

Многие минские фарцовщики ездили в Вильнюс продавать сторгованный у иностранцев товар, ходили на рынке и ворованные вещи. Контролировать толкучку было практически невозможно, и вскоре эту «зону свободной торговли» прикрыли.

Красота – страшная сила. Иногда даже слишком

В ту пору парикмахерских было мало, а женщин, желающих стать красивыми — много, и очередь на прическу приходилось занимать с 5–6 утра. Популярными были парикмахерская «Мечта» на ул. Ленина, «Салон красоты» (сегодняшняя «Александрына») на ул. Сурганова, процветала парикмахерская на вокзале.

Не было фена, гелей, пенек, восков, красок. Что было? Железные бигуди с резинками и колпаки-сушки. В качестве фиксаторов и закрепителей использовали народные средства. Самым простым и доступным был клейкий и противный отвар льняного семени, потом — пиво. В 1970-х в моду вошли парики и шиньоны. И тут же прически из натуральных волос стали делать «под искусственные». Крупные локоны и завитки картинно выкладывали на голове и намертво заливали большим количеством лака. Первые лаки для волос напоминали клей, зато прическу они не просто закрепляли, а цементировали. Несколько позже появился лак для волос «Прелесть». В

1971 г. в Минск наконец завезли придуманный во Франции в середине 1960-х «Гаврош». Стричься под «Гаврош» стали все, независимо от того, шла эта прическа или нет. Несколько позже похожая история произошла со стрижкой «Сэссун». Мужчины отращивали длиннющие бакенбарды и стриглись «под Элвиса».

Красители, дающие «удивительно стойкий и яркий оттенок» появились значительно позже. А поскольку красивыми и модными хотелось быть всегда, в ход шли подручные средства. Например, огненно-рыжий лисий цвет достигался с помощью красного стрептоцида или жидкости Каstellани, применяемой в медицине в качестве средства от ожогов.

Когда в моду вошли платиновые блондинки, волосы в минских парикмахерских стали обесцвечивать 30%-ной перекисью водорода. Туда добавляли жидкое мыло, аммоний, а для отбеливающего эффекта — соду. Эта зверская смесь непоправимо портила волосы и обжигала кожу головы. Для того, чтобы получить платиновый оттенок, в воду для ополаскивания добавляли фиолетовые школьные чернила, капали зеленку или синьку. В ту пору в хозмагах можно было купить алюминиевую пудру. С ее помощью изготавливали краску серебристого цвета, которой у нас почему-то принято красить памятники и кладбищенские оградки. Так вот, этим порошком посыпали волосы, затем накручивали их на бигуди и ложились спать. На следующий день дама просыпалась с черной шеей, серой подушкой и умопомрачительно модной сединой. Радикальный черный цвет достигался при окраске урсолом, который сегодня снят с производства из-за своей токсичности.

Белорусскую моду в те годы делали в Республиканской лаборатории НИИ «Белбыттехпроект». За этой скучной вывеской скрывалась мастерская, в которой работали лучшие мастера республики. Лариса Лабутина, Алла Михайлова, Галина Камяк, Лилия Болюнова, Светлана Дилаева, Надежда Картавенко разрабатывали косметические услуги, стрижки и прически, с которыми тогда ходила вся республика, и [которые] с завидным постоянством побеждали на всесоюзных и зарубежных конкурсах профессионального мастерства. Именно они — «Лара», «Алла», «Лилия», «Галина» — с началом перестройки открыли первые частные салоны и дали им свои имена.

В 1960–70-е гг. мода совершила очередную попытку вырваться из круга привычных «нельзя». Одеваться не так, как все, означало бросить вызов обществу. Собственно, так было всегда, и за шокировавшими мир хиппи пришли панки с крашенными в кислотные цвета гребнями. Вопрос не в том, как кто одет, а в том, как к этому относится общество. Советское общество любое проявление «иночества» переносило очень болезненно. Советы отпускникам, данные в №1 за 1972 г. популярного тогда журнала «Модели сезона», весьма напоминают рекомендации шпиону по пошиву камуфляжа: «Будьте внимательны при выборе ткани и модели! Они не должны быть бросающимися, чтобы не привлекать излишнего внимания». Полагалось одеваться чистенько, просто и скромно: «Не беда, если вы носили костюм один-два сезона. Вычищенный, отглаженный, с новыми пуговицами, новым жилетом и блузкой, он будет выглядеть новым».

Система штамповала людей с одинаковыми взглядами, вкусами, мировоззрением. Самой ненавистной одеждой на целое десятилетие становилась школьная форма. Девочки ходили в коричневых платьях с черными (в праздник — белыми) передниками, мальчики — в синих костюмах, безнадежно измятых еще до того, как их в первый раз надели. Любая попытка хоть как-то разнообразить эту мрачную палитру выливалась в жесткое противостояние со школьным руководством. Иногда казалось, что нас хотели видеть не только в одинаковой одежде, но и с одинаковыми лицами.

Партийные и советские работники в местах наиболее плотного скопления напоминали колонии клонов. Друг от друга их отличали только размеры животов. Все они носили темные (летом — серые) костюмы, обязательно — голубые или белые рубашки с галстуком, зимой профессиональные коммунисты поголовно ходили в ратиновых пальто с пыжиковыми шапками пирожком.

Практически во всех крупных универмагах — ГУМе, ЦУМе, «Беларуси» — были комнаты, напоминавшие пещеру Али-Бабы. Там можно было найти любую обувь, женские и мужские костюмы, платья, шубы, шапки, пальто разных моделей и размеров. В общем — все. Обслуживали лишь избранных —

семьи партийных и государственных деятелей, известных артистов и просто нужных людей. Попасть туда можно было по благу или по записке из вышестоящих инстанций. Примерно так же осуществлялось обслуживание на базах, куда поступал весь импорт, впоследствии распределявшийся по магазинам. Завбазами были уважаемыми людьми, знакомства с которыми искали многие известные личности.

А потом пришла перестройка, и то, что раньше называлось фарцовкой, стало называться бизнесом, и джинсы наконец стали тем, чем им положено быть — удобной и практичной одеждой.